

Загадочное происшествие в Стайлзе

Автор:

[Агата Кристи](#)

Загадочное происшествие в Стайлзе

Агата Кристи

Эркюль Пуаро #1

«Загадочное происшествие в Стайлзе» – это самый первый роман Агаты Кристи. В этой книге, вышедшей в 1920 году, читатель в первый раз встречается с самым знаменитым сыщиком XX столетия – усатым бельгийцем Эркюлем Пуаро, а также с его другом и помощником Гастингсом. Именно здесь Пуаро впервые предоставлена возможность продемонстрировать свои дедуктивные способности и раскрыть загадочное преступление (отравление миссис Инглторп, хозяйки поместья Стайлз), опираясь на всем известные факты.

Агата Кристи

Загадочное происшествие в Стайлзе

Agatha Christie

The Mysterious Affair at Styles

Copyright © 1920 Agatha Christie Limited. All rights reserved.

AGATHA CHRISTIE, POIROT and the Agatha Christie Signature are registered trademarks of Agatha Christie Limited in the UK and/or elsewhere. All rights reserved.

© Юркан М. Ю., перевод на русский язык, 2015

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Глава 1

На отдых в Стайлз

Значительный интерес светского общества к преступлению в Стайлзе уже начал спадать. Тем не менее, учитывая сопутствующую ему дурную славу, мой друг Пуаро и родственники жертвы коварного убийства попросили меня правдиво описать все подробности нашей истории. Таким путем мы надеемся остановить упорное порождение разнообразных скандальных слухов.

Для начала я решил коротко изложить обстоятельства, приведшие к моему участию в расследовании этого дела.

После ранения на фронте меня демобилизовали из действующей армии; проведя несколько месяцев в весьма унылой обстановке санатория, я получил еще месяц отпуска для восстановления сил. Не имея в ближайшей округе ни родственников, ни друзей, я как раз раздумывал, куда бы мне отправиться, когда вдруг случайно встретил Джона Кавендиша. Последние годы мы с ним редко виделись. Да, в общем-то, никогда особо тесно и не общались. Во-первых, он старше меня лет на пятнадцать, хотя надо признать, что выглядит гораздо моложе своих сорока пяти лет. В детстве, однако, мне частенько доводилось гостить в Стайлз-корт, эссекском имении его матушки.

Мы славно поболтали о старых временах, и в результате он пригласил меня провести отпуск в Стайлзе.

– Да и матушка будет рада видеть вас вновь... после стольких лет, – добавил он.

– Надеюсь, она в добром здравии? – спросил я.

– О да. Полагаю, вам известно, что она вновь вышла замуж?

Боюсь, что на лице моем весьма явно отразилось удивление. Насколько я помнил, миссис Кавендиш, красивая женщина средних лет, вышла замуж за отца Джона, когда он остался вдовцом с двумя сыновьями на руках. Сейчас ей, должно быть, никак не меньше семидесяти. Она запомнилась мне как эмоциональная, властная особа, склонная к благотворительности и стремящаяся добиться признания своих заслуг в обществе, принадлежащая к той категории светских дам, которые обожают открывать благотворительные базары и выступать в роли леди Баунтифул[1 - Благодетельница, или патронесса, по имени героини известной пьесы «Уловка кавалеров» ирландского драматурга Дж. Фаркера (1678–1707).]. Впрочем, унаследовав значительное состояние, она действительно щедро делилась им с нуждающимися.

Загородную усадьбу Стайлз-корт мистер Кавендиш приобрел вскоре после их женитьбы. В семье безоговорочно господствовала жена, и естественно, что, умирая, муж завещал ей в пожизненное владение и саму усадьбу, и бо?льшую часть своих доходов; такое волеизъявление бесспорно ущемляло права двух его сыновей. Однако приемная мать относилась к ним с сердечной добротой; более того, они всегда считали ее своей родной матерью, поскольку были еще очень юными, когда их отцу пришлось жениться во второй раз.

Лоуренс, младший из братьев, с детства отличался слабым здоровьем. Но он получил профессию врача, хотя недавно забросил медицинскую практику и теперь жил дома, пестуя свои литературные амбиции; впрочем, его поэтические творения никто – по крайней мере, пока – не назвал бы выдающимися.

Джон поначалу занимался адвокатской практикой, но с годами, ощутив склонность к спокойной жизни сельского сквайра, предпочел тоже обосноваться в поместье. Два года назад он женился и привез в Стайлз свою жену, хотя я быстро заподозрил, что, по всей вероятности, он предпочел бы обзавестись собственным семейным гнездышком, если бы матушка увеличила ему денежное

содержание. Миссис Кавендиш, однако, любила строить свои собственные планы, а в данном случае, учитывая ее финансовые ресурсы, могла рассчитывать на понимание и согласие окружающих.

Заметив мое удивление сообщением об очередном замужестве его матушки, Джон уныло усмехнулся.

– К тому же за препротивного мелкого проходимца, – гневно воскликнул он. – Уверяю вас, Гастингс, он умудрился чертовски осложнить нашу жизнь. А уж если говорить про Эви... вы помните Эви?

– Нет.

– Гм, тогда, наверное, она появилась в нашем доме немного позже. Эви числится компаньонкой матушки, а по сути – ее служанка, в общем, мастерица на все руки! Да, наша Эви на редкость приятная особа. Она не так уж молода и красива, но по части хозяйства выиграет у десятка красоток.

– Но вы хотели рассказать о...

– О, да, о том гнусном типе! Так вот, однажды он заявился к нам в дом, под предлогом какого-то родства с Эви, – видимо, он приходится ей каким-то четвероюродным кузеном, хотя ей явно не хотелось подтверждать их родственную связь. Любому ясно, что такому родственничку никто не обрадуется. Отрастил косматую черную бороду и в любую погоду постоянно щеголяет в лакированных штиблетах! Но матушка с ходу поладила с ним, взяла его на место секретаря... вы же знаете, что она вечно подвизается в множестве благотворительных организаций.

Я кивнул.

– Благодаря войне, разумеется, их количество возросло десятикратно. И этот тип, несомненно, стал для нее отличным помощником. Но вы можете представить, насколько мы опешили, когда три месяца назад она вдруг объявила, что они с Альфредом обручились! Ведь этот пройдоха по меньшей мере лет на двадцать моложе ее! Попросту наглый охотник за наследством; но что уж тут поделаешь, она – сама себе хозяйка, и вот, извольте, уже вышла за него замуж...

– Да, действительно, вы все оказались в довольно трудной ситуации.

– Довольно трудной? Да она чертовски трудна и отвратительна!..

Короче говоря, через три дня после этого нашего разговора я сошел с поезда на остановке Стайлз-Сент-Мэри, маленькой станции, нелепо торчавшей посреди зеленеющих полей и узких проселочных дорог и не имевшей никаких очевидных причин для своего существования. Джон Кавендиш встретил меня на платформе, и мы направились к его автомобилю.

– Понимаете, удалось раздобыть немного бензина, – заметил он. – В основном благодаря стараниям матушки.

Сама деревня Стайлз-Сент-Мэри находилась в двух милях от этой нелепой станции, а с другой стороны от нее на расстоянии мили раскинулось поместье Стайлз-корт. Уже начался июль, и денек выдался безветренный и теплый. Вокруг расстилались равнинные земли Эссекса, и, глядя на эти мирно зеленеющие под послеполуденным солнцем поля, с трудом верилось в то, что где-то неподалеку могут вестись какие-то кошмарные военные действия. Мне вдруг почудилось, будто я случайно попал в совершенно иной мир. Когда мы свернули к воротам усадьбы, Джон сказал:

– Боюсь, Гастингс, вы сочтете, что мы тут живем слишком тихо.

– Ах, дорогой мой, это же как раз то, что мне сейчас нужно.

– Ну да, у нас довольно мило, если вам хочется отдохнуть в тиши. Дважды в неделю я обучаю волонтеров и помогаю на окрестных фермах. Моя жена постоянно занята сельским хозяйством. Ежедневно она поднимается в пять утра, чтобы подоить скотину, и трудится, не разгибая спины, до самого завтрака. Как ни крути, жизнь у нас просто великолепна... если бы только в нее не вмешался этот проходимец, Альфред Инглторп! – Внезапно он остановил машину и глянул на часы. – Я подумал, не успеем ли мы заехать за Синтией. Нет, сейчас она уже, наверное, ушла из госпиталя.

– Синтия? Разве вашу жену так зовут?

– Нет, Синтия – протеже матушки, дочь одной из ее школьных подруг, которая вышла замуж на жуликоватого стряпчего. Он потерпел полный крах, и эта девушка, осиротев, осталась без гроша в кармане. Моя матушка пришла на выручку, и вот уже почти два года Синтия живет у нас. Она трудится в тэдминстерском госпитале Красного Креста, в семи милях отсюда.

Замолчав, он остановился перед прекрасным старинным особняком. Заметив наше приближение, дама в плотной твидовой юбке, склонившаяся над цветочной клумбой, сразу выпрямилась.

– Привет, Эви, вот привез нашего раненого героя! Мистер Гастингс... Мисс Говард.

Изрядно крепкое рукопожатие мисс Говард вызвало у меня болезненное ощущение. Я сразу заметил интересное сочетание ярко-синих глаз и загорелого лица. На вид этой миловидной особе можно было дать около сорока лет, она говорила низким грудным голосом, на громких тонах звучащим почти по-мужски, обладала крупной фигурой с хорошими формами и была обута в добротные толстые башмаки. Ее отрывистая манера разговора, как я вскоре обнаружил, напоминала телеграфный стиль.

– Сорняки разрастаются, точно пожар в доме. Никак за ними не уследишь. Просто окружают, наступая со всех сторон. Берегитесь.

– Безусловно, я готов с радостью оказать посильную помощь, – откликнулся я.

– Не говорите. Ничего не обещайте. Потом трудно будет отказаться.

– Как вы скептически настроены, Эви, – рассмеявшись, заметил Джон. – Кстати, где мы нынче пьем чай – в столовой или на воздухе?

– На воздухе. Грех в такой чудный денек торчать в доме.

– Тогда пошли отдыхать, вы уже достаточно потрудились в саду сегодня. Ибо, как мудро сказано, «трудящийся достоин награды за труды свои»[2 - Лк. 10:7.]. Пора освежиться и подкрепить силы.

– Что ж, – сказала мисс Говард, стягивая садовые перчатки, – я склонна согласиться с вами.

Мы направились вслед за ней вокруг дома к чайному столу, накрытому в тени большого платана.

С одного из плетеных кресел поднялась женщина и сделала несколько шагов нам навстречу.

– Познакомьтесь с моей женой, Гастингс, – сказал Джон.

Я никогда не забуду первого впечатления, произведенного на меня Мэри Кавендиш. Ее высокая стройная фигура четко вырисовывалась на фоне яркого солнца; явное ощущение скрытого огня, казалось, проявлялось лишь в ее удивительных искристых карих глазах – таких потрясающих глаз я еще не видел ни у одной женщины; при всей глубинной силе присущего ей спокойствия, создавалось впечатление, что в этом утонченном и изысканном теле скрывается дикий и необузданный дух – вся ее поразительная натура навеки запечатлелась в моей памяти. Незабываемое впечатление.

Она приветствовала меня тихим ясным голосом, вежливо выразив радость по поводу нашего знакомства, и я опустился в плетеное кресло, испытывая искреннее удовольствие от того, что принял приглашение Джона. Миссис Кавендиш передала мне чашку чая и, сделав несколько спокойных замечаний, укрепила меня в первом впечатлении и окончательно убедила в своем неотразимом женском очаровании. Восприимчивый слушатель всегда побуждает к разговору, и я, с юмором описывая некоторые случаи из моей санаторной жизни, льстил себя надеждой, что мне удалось позабавить супругу Джона. Сам он, разумеется, славный малый, но его едва ли можно назвать интересным собеседником.

Мы сидели совсем рядом с верандой, и вскоре из открытых балконных дверей донесся отлично знакомый мне голос:

– Итак, Альфред, после чая вы напишите письмо принцессе? А насчет второго дня я сама напишу леди Тэдминстер. Или нам лучше дождаться ответа княгини? Если она откажется, то леди Тэдминстер может помочь с открытием в первый день, а миссис Кросби – во второй. К тому же есть еще герцогиня... она известит

ее о школьном празднике.

Послышалось невнятное бурчание мужского голоса, и вновь громкий ответ миссис Инглторп:

– Да, разумеется. Мы вполне успеем разобраться с письмами после чая. Как же вы заботливы, мой милый Альфред...

Балконная дверь открылась пошире, и на лужайку спустилась красивая, убеленная сединой пожилая дама с властным выражением лица. Следовавший за ней мужчина являл собой воплощенное почтение.

Миссис Инглторп бурно приветствовала меня.

– Боже, мистер Гастингс, где вы пропадали все эти годы, неужели мы наконец удостоились счастья видеть вас? Позвольте познакомить вас, мистер Гастингс... мой супруг, дорогой Альфред.

Со сдержанным любопытством я пригляделся к «дорогому Альфреду». Облик новоявленного супруга действительно поражал своеобычными и странными чертами. И неудивительно, что Джон неодобрительно отозвался о его бороде. Мне еще не приходилось видеть столь большой, черной как смоль бороды. На носу его крайне невозмутимого лица поблескивало пенсне в золотой оправе. Мне вдруг пришло в голову, что он мог бы прекрасно смотреться на сцене, но в реальной жизни выглядел на редкость неуместным. Его низкий голос звучал с неприятной вкрадчивостью.

– Рад знакомству, мистер Гастингс, – сказал он, вложив в мою руку свою вялую, словно безжизненную длань, и добавил, обращаясь к супруге:

– Эмили, дорогуша, по-моему, эта подушка немного отсырела.

С сияющей любовью улыбкой она взирала на мужа, пока тот менял подушку на кресле, всем своим видом изображая нежнейшую заботу. Странное проявление пылкой любви для здравомыслящей во всех прочих отношениях женщины!

С приходом мистера Инглторпа за столом создавалась атмосфера скованности и завуалированной недоброжелательности. А мисс Говард, в частности, даже не пыталась скрывать враждебности. Миссис Инглторп, однако, казалось, не заметила ничего необычного. Ее словоохотливость, запомнившаяся мне по прежним встречам, ничуть не убавилась за разделившие нас годы, и она пустилась в свободное плавание; поток ее слов приобщал нас к ее полной заботами жизни, в основном связанной с предстоящим в скором времени благотворительным базаром, организацией коего она и занималась. Изредка миссис Инглторп уточняла конкретные дни или даты у своего мужа. Его настороженные и предупредительные манеры оставались неизменными. С первого же взгляда я проникся к нему стойкой и глубокой неприязнью, и мне лестно сознавать, что мое первое суждение, как обычно, оказалось исключительно проницательным.

Вскоре миссис Инглторп обратила свое внимание на Эвелин Говард, дав ей кое-какие указания насчет писем, а мистер Инглторп озабоченно обратился ко мне:

- А вы, мистер Гастингс, избрали себе военную профессию?
- Нет, до войны я служил в страховой корпорации Ллойда.
- И после ее окончания вы собираетесь вернуться к прежней деятельности?
- Возможно. Либо займусь чем-то новым.

Мэри Кавендиш подалась вперед.

- А какой род занятий вы предпочли бы, если б дали волю своим наклонностям?
- Трудно сказать, смотря по обстоятельствам.
- У вас нет какого-то тайного хобби? – спросила она. – Признайтесь... чем вы прежде увлекались?
- У каждого человека бывают увлечения... зачастую довольно нелепые. Вы будете смеяться надо мной.

– Возможно, – с улыбкой заметила она.

– В общем, я всегда имел тайное желание стать детективом!

– Настоящим следователем... как в Скотленд-Ярде? Или своего рода Шерлоком Холмсом?

– О, безусловно, только Шерлоком Холмсом. Но право, говоря серьезно, меня ужасно привлекает такое занятие. Однажды я случайно познакомился с одним бельгийцем, знаменитым сыщиком, и он необычайно воодушевил меня. Удивительный малый. Обычно он говорил, что сущность любой удачной детективной работы заключается просто в выборе верной методики. Мой подход основан на его принципах, хотя, разумеется, я разработал свою систему. Мне он показался весьма забавным человеком, большим франтом, но удивительно умным.

– Таковы и талантливо написанные детективные истории, – вставила мисс Говард. – Хотя среди такого рода литературы много откровенной чепухи. Преступник обычно обнаруживается в последней главе. И все буквально ошеломлены. Реальное же преступление... можно распознать сразу.

– Знали бы вы, как много существует нераскрытых преступлений, – возразил я.

– Полицейские расследования тут ни при чем, я имею в виду обычных людей. Семейную историю. Вы не сможете одурачить родственников. Они все узнают.

– Значит, – весело сказал я, – вы полагаете, что если бы сами столкнулись с преступлением – скажем, с убийством, – то сразу смогли бы распознать убийцу?

– Естественно, распознала бы. Хотя, возможно, не смогла бы доказать это споре законоведов. Но, безусловно, догадалась бы, кто виновен. Я наверняка почувствовала бы его подлую натуру, если бы он оказался поблизости.

– Но ведь преступником могла оказаться и женщина, – предположил я.

– Могла. Однако для убийства требуется жестокость. Она больше пристала мужской натуре.

– Если только речь не идет об отравлении ядом, – ясный звонкий голос миссис Кавендиш заставил меня вздрогнуть. – Вчера как раз доктор Бауэрштайн говорил, что благодаря всеобщему неведению в сфере редких ядов, даже среди медиков, множество преступлений, вероятно, остаются нераскрытыми.

– Боже, Мэри, что за ужасный разговор! – воскликнула миссис Инглторп. – У меня даже мурашки забегали... Ах, вот и наша Синтия!

Молодая девушка в форме добровольческого медицинского отряда Общества Красного Креста легко пробежала по лужайке.

– Синтия, милая, что-то вы сегодня припозднились. Познакомьтесь с мистером Гастингсом... мисс Мэрдок.

Синтия Мэрдок оказалась очаровательным созданием, излучавшим свежесть юности и исполненным бурной жизненной силы. Она сорвала с головы белую форменную шапочку, и я с восхищением оценил как ее рассыпавшуюся волнами золотисто-каштановую шевелюру, так и белизну очаровательной изящной ручки, которую она протянула к чайной чашке. С черными глазами и ресницами, эта девушка могла бы соперничать с любой красавицей.

Она опустилась на траву около Джона и улыбнулась мне, когда я предложил ей блюдо с сэндвичами.

– Присаживайтесь со мной на травку. Тут гораздо удобнее.

Я послушно устроился рядом с девушкой.

– Вы работаете в Тэдминстере, не так ли мисс Мердок?

– Да, замаливаю грехи, – кивнула она.

– Неужели вас заставляют работать насильно? – улыбнувшись, спросил я.

– Ничего подобного, мне самой нравится такое занятие! – с достоинством воскликнула Синтия.

– Одна моя кузина тоже любит ухаживать за больными, – заметил я, – но старшие медицинские сестры наводят на нее настоящий ужас.

– Вам не удалось удивить меня. Видите ли, мистер Гастингс, таковы уж эти медсестры. Их надо принять как данность. Понять их невозможно! Но я, слава богу, не медсестра, мне поручили работу в благотворительной бесплатной аптеке.

– И много ли народу вам уже удалось отравить? – с улыбкой поинтересовался я.

– О, еще как много, – тоже улыбнувшись, ответила она.

– Кстати, Синтия, как вы думаете, – спросила вдруг миссис Инглторп, – сможете ли вы написать для меня кое-какие заметки?

– Разумеется, тетушка Эмили.

Она проворно вскочила с травы, напомнив мне своей поспешностью о ее зависимом положении, забывать о котором миссис Инглторп, при всей своей щедрости, девушке не позволяла.

Затем хозяйка дома обратилась ко мне:

– Джон покажет вам вашу комнату. Ужинаем мы в половине восьмого. С некоторых пор мы отказались от поздних трапез. Леди Тэдминстер, супруга нашего орденосца... кстати, ее батюшкой был покойный лорд Эбботсберри – также считает ранний ужин более уместным. Мы с ней сошлись во мнении о необходимости введения на время войны режима особой экономии. И поэтому хозяйство у нас теперь на военном положении, ничего не тратится попусту... даже использованную бумагу мы собираем в мешки и отправляем на переработку.

Я выразил всяческое одобрение, и Джон повел меня в дом, где мы поднялись по широкой центральной лестнице, которая после первого пролета

разветвлялась на две стороны коридорами, ведущими в правое и левое жилые крылья особняка. Моя комната находилась в левом крыле, ее окна выходили в парк.

Там Джон и оставил меня, а через пару минут я уже увидел в окно, как он медленно прогуливается по лужайке под ручку с Синтией Мэрдок. Тут же до меня донесся раздраженный голос миссис Инглторп, призывавший Синтию. Услышав призыв, девушка сразу побежала обратно к дому. Одновременно из-под кроны тенистого дерева появился какой-то человек и медленно побрел в том же направлении. Этот смуглый мужчина с печальным, чисто выбритым лицом выглядел лет на сорок. Казалось, его гложет тайная мучительная страсть. Проходя мимо, он поднял голову, рассеянно глянув на мое окно, и я узнал его, хотя он сильно изменился за пятнадцать лет, прошедшие с нашей последней встречи. Это был младший брат Джона, Лоуренс Кавендиш. Меня заинтересовало, какие же тайные чувства могли отразиться на его лице.

Но чуть позже я забыл о нем и вернулся к размышлениям о своих собственных заботах.

Вечер прошел в приятной атмосфере; и в ту ночь мне приснилась загадочная красавица, Мэри Кавендиш.

Утро началось с яркого солнечного рассвета, и я исполнился предчувствия каких-то восхитительных встреч.

Я не видел миссис Кавендиш до самого ланча, когда она предложила мне прогуляться, и мы с нею провели в лесу очаровательный день, вернувшись домой около пяти часов.

Когда мы вошли в большой зал, Джон пригласил нас обоих в курительную комнату. И по его встревоженному лицу я сразу понял, что случилось нечто особенное. Мы последовали за ним и, пропустив нас в комнату, он плотно закрыл двери.

– Вы не поверите, Мэри, какая произошла неприятность... Эви крепко повздорила с Альфредом Инглторпом и решила уехать.

– Эви? Уехать?

Джон мрачно кивнул.

– Да... понимаете, она отправилась к матушке и... Ах, вот и сама Эви.

Вошла мисс Говард. Плотно поджав губы, она сжимала в руке небольшой чемодан. Вид у нее был взволнованный, решительный и слегка обиженный.

– Во всяком случае, – выпалила она, – я высказала все, что думаю!

– Эвелин, дорогая, – воскликнула миссис Кавендиш, – это невероятно!

Мисс Говард кивнула с мрачным видом.

– Более чем вероятно! К сожалению, я высказала Эмили все, что думаю; вряд ли она легко простит меня и забудет мои слова. Хорошо бы, она хоть немного задумалась над ними... Хотя, может, с нее всё как с гуся вода. А я так прямо и сказала: «Эмили, вы уже старая женщина, и глупость старых дур, видно уж, никому не превзойти. Вы пригрели молодого проходимца, он же на двадцать лет моложе вас, и не заблуждайтесь на тот счет, почему он женился на вас. Он женился на ваших деньгах! Ладно, попытайтесь, по крайней мере, ограничить его аппетиты. Знаете, что у фермера Рэйкса появилась смазливая молодая женушка? Так спросите вашего Альфреда, сколько времени он проводит с нею». Она жутко разозлилась. Естественно! А я добавила: «Мне лишь хотелось предостеречь вас, нравится вам то или нет. Этот проходимец скоро прикончит вас в вашей собственной постели, и глазом не моргнет... У такого мерзавца и совести-то ни на грош... Вы можете возражать мне, как вам угодно, да только попомните мои слова. Муженек ваш – отпетый мерзавец!»

– И что она ответила?

Мисс Говард выразительно скривилась и процитировала с глупейшим видом:

– «Милый Альфред! Дражайший Альфред! Отвратительная клевета... наглая ложь... Подлая женщина... так обвинять моего дорогого мужа!» Чем скорее я покину ее дом, тем лучше. Короче, я уезжаю.

– Но не сейчас же?

– Сию минуту!

Мы сидели, ошеломленно глядя на нее. Наконец Джон Кавендиш, сочтя уговоры бесполезными, отправился посмотреть расписание поездов. Его жена последовала за ним, тихо заметив, что миссис Инглторп следовало бы прислушаться к мнению Эви.

Когда она вышла из комнаты, лицо мисс Говард изменилось. Она склонилась ко мне и пылко сказала:

– Мистер Гастингс, по-моему, вы достойны уважения. Могу ли я довериться вам?

Я пребывал в легком замешательстве. Она положила руку мне на плечо и понизила голос до шепота:

– Присмотрите за ней, мистер Гастингс. За моей бедной Эмили. Ее окружает стая акул – вся эта алчная семейка... О, я знаю, о чем говорю. Каждый здесь испытывает свои трудности и пытается выжать из нее деньги. Я защищала ее как могла. Теперь меня убрали с дороги, и они с новой силой начнут дурить ей голову.

– Разумеется, мисс Говард, – откликнулся я, – я сделаю все возможное, хотя уверен, что ситуация не настолько серьезна, просто вы слишком разволновались.

Она прервала меня, выразительно погрозив указательным пальцем.

– Молодой человек, уж поверьте мне. Я прожила в этом мире намного дольше вас. И прошу вас лишь смотреть в оба да держать ухо востро. Тогда вы поймете, о чем я говорила.

В открытое окно донеслось чихание мотора, и мисс Говард встала и направилась к двери. Послышался голос Джона. Взявшись за дверную ручку, мисс Говард обернулась и кивнула мне.

– А главное, мистер Гастингс, не спускайте глаз с этого хитрющего чёрта... с ее муженька!

Времени на дальнейшие разговоры не осталось. Голос мисс Говард затерялся в нестройном хоре протестов и прощальных пожеланий. Чета Инглторп на прощании не появилась.

Когда шум мотора затих вдали, миссис Кавендиш вдруг отделилась от нашей группы и, перейдя через подъездную аллею, направилась по лужайке навстречу высокому бородачу, очевидно, шедшему к нашему дому. Заметно покрасневшись, она протянула ему руку.

– Кто это? – резко спросил я, интуитивно испытываю недоверие к бородатому незнакомцу.

– Доктор Бауэрштайн, – коротко бросил Джон.

– А кто такой доктор Бауэрштайн?

– Он живет в деревне, наслаждается полным покоем, восстанавливается после острого нервного расстройства. Работал в Лондоне, весьма сведущий специалист; говорят, один из крупнейших ныне здравствующих экспертов в области ядовитых веществ.

– И он близко сдружился с Мэри, – не удержавшись, добавила Синтия.

– Давайте пройдемся, Гастингс, – нахмурившись, сменил тему Джон Кавендиш. – Какая ужасная неприятность. Эви, конечно, всегда резко высказывала свое мнение, но во всей Англии вы не найдете более преданного друга, чем Эвелин Говард.

Я углубился вслед за ним в парковую аллею, и мы направились в сторону деревни через лесок, граничивший с поместьем.

На обратном пути, когда мы подходили к воротам усадьбы, нам навстречу попала симпатичная молодая особа; эта цыганского вида красotka склонила голову и улыбнулась нам.

– Какая прелесть, – со знанием дела заметил я.

– Это миссис Рэйкс, – с непроницаемым видом пояснил Джон.

– Уж не та ли, о которой упоминала мисс Говард...

– Именно та, – с излишней резкостью подтвердил Джон.

При виде этого улыбнувшегося нам прелестного и соблазнительного личика, я вспомнил вдруг убеленную сединами старую даму, властвующую в этом большом особняке, и невольно похолодел от смутного дурного предчувствия. Но предпочел решительно отбросить его.

– Ваш Стайлз поистине являет собой славное местечко доброй старой Англии.

– Да, прекрасное владение, – кивнув, уныло согласился Джон. – Когда-нибудь это имение станет моим... а могло бы уже принадлежать мне, если бы отец оставил надлежащее завещание. И тогда я не находился бы сейчас в таком чертовски сложном положении.

– А разве у вас серьезные проблемы?

– Мой милый Гастингс, мне не хотелось говорить вам, но я только и делаю, что ломаю голову над тем, где бы раздобыть денег.

– А почему бы брату не помочь вам?

– Лоуренсу? Да он сам спустил все свои деньги на издание своих дрянных стишков в затейливых дорогих переплетах... Нет, мы действительно пребываем в бедственном положении. Надо признать, что наша матушка всегда оказывала нам щедрую поддержку. То есть до нынешних пор. Но после нового брака, разумеется... – он нахмурился и умолк.

Впервые я почувствовал, что с отъездом Эвелин Говард атмосфера как-то неуловимо изменилась. Ее присутствие создавало ощущение спокойствия и уверенности. А теперь, после ее отъезда, благополучие словно испарилось, и сам воздух, казалось, пропитался странной подозрительностью. В памяти вдруг всплыло зловещее лицо доктора Бауэрштайна. Смутные подозрения о всех и каждом заполнили мой ум. И лишь на мгновение у меня мелькнуло

предчувствие надвигающегося несчастья.

Глава 2

Шестнадцатое и семнадцатое июля

Я прибыл в Стайлз пятого июля. А теперь хочу сразу перейти к событиям, произошедшим в этом же месяце шестнадцатого и семнадцатого числа. Для удобства читателя я как можно точнее изложу происшествия этих дней. Позднее они были доподлинно установлены в ходе следственного разбирательства и долгих и утомительных перекрестных допросов.

Через два дня после отъезда мисс Говард прислала мне письмо, в коем сообщала, что она устроилась работать сиделкой в большую больницу Миддлингхэма, фабричного городка, находящегося от нас миль в пятнадцати, и просила меня дать ей знать, если миссис Инглторп проявит хоть какое-то стремление к примирению.

Единственной ложкой дегтя в бочке меда моих мирных отпускных дней мне представлялось то необычайное – и, на мой взгляд, необъяснимое – предпочтение, которое миссис Кавендиш отдавала общению с доктором Бауэрштайном. Не представляю, что ей приглянулось в этом человеке, но она постоянно приглашала его в дом и частенько отправлялась с ним на долгие прогулки. Должен признаться, что я совершенно не понимал, в чем может заключаться его привлекательность.

Шестнадцатое июля пришлось на понедельник. День выдался страшно суматошный. В субботу состоялся долгожданный благотворительный базар, а сегодня вечером в честь его завершения устраивался большой концерт, где миссис Инглторп собиралась декламировать посвященные войне стихи. Целое утро все мы трудились в деревенском клубе, подготавливая и украшая зрительный зал к вечернему событию. Подкрепившись поздним завтраком, мы расположились в саду на после полуденный отдых. Я заметил, что Джон ведет себя как-то странно. Он выглядел возбужденным и встревоженным.

После чая миссис Инглторп отправилась полежать, набраться сил перед вечерним концертом, а я предложил Мэри Кавендиш сыграть партию в теннис.

Незадолго до семи часов вечера миссис Инглторп позвала нас, опасаясь, что мы опоздаем к сегодняшнему более раннему ужину. Нам пришлось спешно переодеться, дабы успеть вовремя; и еще до окончания трапезы к выезду уже подали автомобиль.

Концерт имел большой успех, а декламацию миссис Инглторп встретили бурными аплодисментами. Синтия тоже принимала участие в нескольких драматических сценках. С нами она не вернулась, поскольку ее пригласили на вечеринку, и она решила заночевать у подруг, выступавших вместе с ней.

На следующее утро миссис Инглторп, чувствуя переутомление, не спустилась к завтраку; но около половины первого она появилась в необычайно веселом настроении и увлекла Лоуренса и меня на какой-то званый обед.

– Такое любезное приглашение от миссис Роллстон... Вы же знакомы с сестрой леди Тэдминстер? Они принадлежат к одному из древнейших родов, предки Роллстонов пришли в Англию вместе с Вильгельмом Завоевателем.

Мэри Кавендиш отказалась под предлогом более ранней договоренности с доктором Бауэрштайном.

А мы с Лоуренсом насладились отличным обедом, и на обратном пути Лоуренс предложил проехать мимо Тэдминстера – крюк всего лишь в милю – и навестить Синтию в аптеке. Миссис Инглторп заявила, что это прекрасная идея, но поскольку ей еще надо написать несколько писем, то она решила подвезти нас до госпиталя и уехать домой, не сомневаясь, что мы в состоянии сами вернуться в Стайлз-корт вместе с Синтией на двуколке.

Нам пришлось задержаться под наблюдением бдительного привратника, пока вышедшая Синтия не поручилась за нас. В длинном белом халате девушка выглядела совершенно великолепно и очаровательно. Она отвела нас в свое святилище и представила своей коллеге-фармацевту, внушающей трепет особе, которую Синтия шутливо величала «Ваша Милость».

– Боже мой, сколько же здесь разных склянок! – воскликнул я, обведя взглядом маленькое помещение. – Неужели вы умудряетесь помнить, что содержится в каждой из них?

– Могли бы быть пооригинальнее! – со стоном промолвила Синтия. – Такие же слова произносит каждый, кто впервые заходит к нам. Мы уже подумываем учредить приз для первого человека, который, войдя сюда, не скажет: «Сколько же здесь разных склянок!» И я даже знаю, какой вопрос вертится у вас на языке: «Сколько же людей вам уже удалось отравить?»

Усмехнувшись, я признал свою предсказуемость.

– Если бы вы, дилетанты, только знали, как действительно легко по случайной роковой ошибке отравить кого-то, то не стали бы отпускать подобные шуточки... Ладно, давайте лучше выпьем чаю. В нашем буфете хранится множество тайных историй. Не там, Лоуренс, в том шкафчике у нас как раз хранятся яды. А чайные принадлежности в большом буфете.

Весело болтая, мы выпили чай и помогли Синтии вымыть посуду. И когда уже вытирали последнюю чайную ложку, в дверь вдруг кто-то постучал. Выражение лиц Синтии и Вашей Милости мгновенно стало суровым и неприступным.

– Войдите, – произнесла Синтия резким официальным тоном.

В аптеку зашла юная, испуганная на вид санитарка, протягивая Вашей Милости какую-то бутылочку, но ее жестом перенаправили к Синтии, присовокупив несколько загадочное заявление:

– На самом деле меня тут сегодня нет.

Взяв у девушки пузырек, Синтия изучила его строгим судейским взглядом.

– Его должны были прислать сегодня утром.

– Сестра очень сожалеет. Извините, она запомнила.

– Сестре следует внимательно читать расписание, вывешенное на нашей двери.

По выражению лица санитарки я догадался, что нет никакой вероятности того, что она наберется дерзости передать той ужасной «сестре» подобное замечание.

– Поэтому теперь вам придется ждать лекарство до утра, – заключила Синтия.

– Так вы думаете, что мы никак не сможем получить его сегодня вечером?

– Вообще-то, у нас очень много дел, но если останется время, то мы постараемся приготовить его для вас, – смилостивилась Синтия.

Несчастливая санитарка удалилась, а Синтия ловко сняла какую-то склянку с полки, наполнила пузырек и выставила его на стол за дверь.

– Поддерживаете строгую дисциплину? – усмехнувшись, спросил я.

– Точно. Давайте выйдем на наш балкончик. Оттуда вы сможете увидеть все наши больничные владения.

Я последовал за Синтией и ее подругой, и они показали мне разные корпуса госпиталя. Лоуренс немного замешкался в аптеке, но Синтия, быстро оглянувшись через плечо, пригласила его присоединиться к нам. Потом она взглянула на свои часы.

– Как вы думаете, Ваша Милость, у нас еще остались какие-то дела на сегодня?

– Нет, все сделано.

– Отлично. Тогда пора запира́ть двери и уходить.

В тот день я увидел Лоуренса совершенно в другом свете. В отличие от Джона, его характер казался поразительно сложным для понимания. Необычайно застенчивый и скрытный, он был практически полной противоположностью своего брата. И тем не менее Лоуренс производил привлекательное впечатление, и, на мой взгляд, если бы позволил себе быть более откровенным, то смог бы вызвать к себе глубокую симпатию. Я не мог отделаться

от ощущения, что он излишне сдержанно ведет себя с Синтией, а она со своей стороны стесняется его. Но сегодня они оба вели себя довольно легкомысленно и весело, с какой-то детской непосредственностью болтая друг с другом.

Когда мы проезжали по деревне, я вспомнил, что собирался прикупить почтовых марок, и поэтому мы остановились возле почты.

Выходя на улицу, я едва не столкнулся в дверях с низкорослым мужчиной. Извинившись, я отступил в сторону, как вдруг он с восторженным восклицанием обнял меня и сердечно расцеловал.

– Mon ami[3 - Мой друг (фр.).], Гастингс! – вскричал он. – Неужели я действительно вижу вас, mon ami?

– Пуаро! – потрясенно воскликнул я.

Повернувшись к нашей двуколке, я пояснил свое поведение.

– Вы не представляете, мисс Синтия, как я рад столь удивительно приятной встрече. Позвольте представить вам моего старого друга месье Пуаро. Давненько мы с вами не виделись.

– Ах, надо же, ведь мы хорошо знаем, кто такой месье Пуаро, – весело заявила Синтия. – Только я понятия не имела, что и вы с ним знакомы.

– Да, действительно, – серьезно произнес Пуаро. – Я знаком с мадемуазель Синтией. И я прибыл сюда как раз в связи с благотворительностью почтенной миссис Инглторп, – сообщил он и, видя мое недоумение, добавил: – Да, друг мой, она любезно охватила благотворительностью семерых моих соотечественников, которым, увы, пришлось покинуть родину. Мы, бельгийцы, всегда будем вспоминать ее с благодарностью.

Пуаро отличался исключительно неординарной внешностью. Росточку в нем было от силы пять футов и четыре дюйма[4 - Примерно 1,62 м.], однако держался он всегда с отменным достоинством. Свою яйцеобразную, вытянутой формы голову маленький бельгиец обычно клонил набок, а жесткие, лихо закрученные усы придавали ему весьма воинственный вид. Аккуратность его

доходила до невероятного педантизма. По-моему, пятно на костюме принесло бы ему больше мучений, чем пулевое ранение. Однако этот малорослый франтоватый оригинал, который, как я сейчас с сожалением заметил, сильно прихрамывал, в свое время считался одним из знаменитейших детективов полиции Бельгии. Обладая удивительным чутьем, он достиг небывалых успехов, распутав самые загадочные преступления нашего времени.

Пуаро показал мне небольшой коттедж, где поселилась их бельгийская компания, и я обещал заглянуть к нему в ближайшее время. Взглянув на прощание на Синтию, он изящным жестом приподнял шляпу, и мы наконец продолжили путь в поместье.

– Какой он милый, наш месье Пуаро, – заметила Синтия. – Но я и подумать не могла, что вы с ним знакомы.

– И совершенно не сознавали, что общались со знаменитостью, – заметил я.

Остаток поездки до дома я пересказывал моим спутникам разнообразные подвиги и триумфальные расследования Эркюля Пуаро.

Мы вернулись в особняк в отличном расположении духа. Когда мы вошли в холл, из своего будуара появилась миссис Инглторп. Она выглядела раскрасневшейся и глубоко расстроенной.

– О, вот вы и вернулись, – сказала она.

– Что-то случилось, тетушка Эмили? – спросила Синтия.

– Ничего подобного, – резко бросила миссис Инглторп. – Что у нас может случиться? – Потом, поймав взгляд Доркас, горничной, входящей в столовую, она велела ей принести в будуар почтовые марки.

– Слушаюсь, мэм... – Нерешительно помедлив, старая служанка робко добавила: – Не кажется ли вам, мэм, что вам лучше полежать? Вы выглядите очень утомленной.

– Возможно, Доркас, вы правы... да... нет... пока рано отдыхать. Мне нужно закончить несколько писем, чтобы успеть отправить их сегодня. Вы разожгли у меня в спальне камин, как я велела?

– Да, мэм.

– Тогда я пойду спать сразу после ужина.

Синтия пристально посмотрела, как поспешно она уходит в будуар, и спросила, глянув на Лоуренса:

– Господи боже мой! Интересно, что же все-таки случилось?

Но тот, видимо, ничего не слышал, поскольку молча развернулся на каблуках и вышел из дома.

Синтия приняла мое предложение поиграть немного в теннис до ужина, и я отправился к себе в комнату за ракеткой.

Мне навстречу по лестнице спускалась миссис Кавендиш. Может, у меня разыгралось воображение, но она тоже выглядела необычайно взволнованной.

– Хорошо ли вы погуляли с доктором Бауэрштайном? – как можно небрежнее спросил я.

– Мы отменили прогулку, – резко ответила она. – Вы не знаете, где миссис Инглторп?

– У себя в будуаре.

Ее рука нервно сжала перила, но она тут же овладела собой, видимо, осознав неизбежность предстоящего неприятного разговора, стремительно спустилась по ступенькам, пересекла холл и, войдя в будуар, плотно закрыла за собой дверь.

Чуть позже, проходя в сторону теннисного корта мимо открытого окна будуара, я невольно подслушал обрывок следующего диалога.

– Тогда почему вы не хотите показать его мне? – спросила Мэри Кавендиш напряженным голосом, определенно отчаянно сдерживая свои эмоции.

– Моя милая Мэри, оно не имеет никакого отношения к тому делу, – ответила миссис Инглторп.

– Тогда покажите его мне.

– Да говорю же вам, это совсем не то, что вы думаете. Оно никоим образом не касается вас.

На что Мэри Кавендиш ответила с нарастающей горечью:

– Разумеется, я могла бы догадаться, что вы будете защищать его.

Поджидавшая меня Синтия пылко воскликнула:

– Слушайте! У нас действительно произошла ужаснейшая ссора. Я только что выпросила все у Доркас.

– Какая ссора?

– Между ним и тетушкой Эмили. Надеюсь, она наконец поняла, каков этот субчик на самом деле!

– Так Доркас присутствовала при их разговоре?

– Естественно, нет. Она заявила, что «чисто случайно оказалась около двери». Похоже, дело идет к доброму старому разводу. Хотелось бы узнать, что же спровоцировало ужасный скандал между ними...

Мне вспомнились соблазнительное личико миссис Рэйкс и предупреждения Эвелин Говард, но я мудро решил промолчать, позволив Синтии высказать все возможные догадки и радостные надежды.

– Наверное, теперь тетушка Эмили без всяких разговоров прогонит его прочь.

Мне хотелось поговорить с Джоном, но он точно куда-то пропал. Очевидно, в наше отсутствие тут сегодня произошло нечто крайне важное. Я старался забыть подслушанный разговор; но, при всем старании, он упорно возвращался в мои мысли. Что же так беспокоило Мэри Кавендиш?

Спустившись к ужину, я обнаружил в гостиной мистера Инглторпа. Его лицо выглядело, как обычно, невозмутимым, но меня вновь поразила странная отрешенность и чужеродность этого субъекта.

Миссис Инглторп вышла к столу последней. Она по-прежнему выглядела взволнованной, и за столом нынче вечером царило натянутое молчание. Да и сам Инглторп вел себя необычайно тихо и спокойно. Обычно он окружал свою супругу усердными знаками внимания, суетился, подкладывая подушки под спинку – в общем, разыгрывал роль любящего и преданного супруга. Сразу после ужина миссис Инглторп снова удалилась в свой будуар.

– Мэри, пусть кофе мне принесут сюда, – попросила она, задержавшись в дверях. – У меня осталось всего пять минут, чтобы успеть отправить письма с ближайшей почтой.

Мы с Синтией, выйдя из-за стола, устроились в креслах возле открытого окна гостиной.

Мэри Кавендиш принесла нам кофе. Она выглядела встревоженной.

– Вы, молодые люди, предпочитаете наслаждаться интимным полумраком или лучше зажечь свет? – спросила она и добавила: – Синтия, не затруднит ли вас позднее отнести кофе миссис Инглторп? А я могу налить его.

– Не беспокойтесь, Мэри, – вмешался Инглторп. – Я сам все сделаю и отнесу кофе Эмили.

Он налил кофе и вышел из комнаты, аккуратно неся поднос.

Лоуренс последовал за ним, а миссис Кавендиш присела рядом с нами.

Какое-то время мы хранили молчание. Выдался славный вечер, жаркий и безветренный. Миссис Кавендиш вяло обмахивалась веером из пальмовых листьев.

– Становится душновато, – пробормотала она. – Похоже, будет гроза.

Увы, гармонические моменты всегда быстро заканчиваются! И мое райское блаженство грубо нарушил хорошо знакомый и ненавистный мне голос, донесшийся из холла.

– Доктор Бауэрштайн! – воскликнула Синтия. – Странное время для визита.

Я ревниво глянул на Мэри, но она выглядела совершенно невозмутимо, не порозовели даже ее бледные щеки.

Вскоре Альфред Инглторп привел в гостиную доктора, который шутливо протестовал, говоря, что таких грязных бродяг в приличные дома не пускают. И правда, он представлял собой удручающее зрелище, будучи буквально с ног до головы покрыт грязью.

– Боже, доктор, чем это вы занимались? – воскликнула миссис Кавендиш.

– Примите мои извинения, – ответил доктор, – я вовсе не собирался заходить сюда, но мистер Инглторп настоял.

– Да уж, Бауэрштайн, видок у вас действительно плачевный, – произнес Джон, входя в гостиную из холла. – Выпейте кофейку и расскажите нам, что же такое с вами приключилось.

– Благодарю, с удовольствием, – согласился он и с горьким смехом поведал о том, как увидел в одном труднодоступном месте очень редкий вид папоротника и, пытаясь дотянуться до него, потерял равновесие и постыдно шлепнулся в илистый пруд.

– На солнце я вскоре обсох, – добавил он, – но, к сожалению, мой наряд выглядит крайне позорно.

В этот момент из холла донесся голос миссис Инглторп, призывавший Синтию, и девушка выбежала из гостиной.

– Не затруднит ли вас, дорогая, просто отправить мою почту? Я собираюсь лечь спать.

Дверь в холл была широко открыта. Я поднялся с кресла вместе с Синтией, Джон оказался рядом со мной. То есть было три свидетеля, которые могли бы поклясться, что миссис Инглторп держала в руке чашку кофе, хотя еще не пила его.

Присутствие доктора Бауэрштайна окончательно и бесповоротно испортило мне вечер. Создавалось впечатление, что этот человек не уйдет уже никогда. Однако в конце концов он все же встал, и я вздохнул с облегчением.

– Я прогуляюсь с вами до деревни, – заявил мистер Инглторп. – Мне необходимо заглянуть к нашему управляющему, проверить кое-какие счета, – пояснил он и добавил, повернувшись к Джону: – Нет нужды дожидаться меня. Я захвачу с собой ключ.

Глава 3

Трагическая ночь

Для более четкого понимания следующей части истории я решил предварить ее коротким описанием второго этажа особняка Стайлз.

Комнаты прислуги находятся за дверью левого крыла здания. Служебное крыло вообще не имело никакой связи с правым крылом дома, где расположились комнаты Инглторпов.

Посреди ночи меня разбудил Лоуренс Кавендиш. В руке он держал зажженную свечу, и по его потрясенному лицу я сразу понял, что в доме произошло нечто ужасное.

– Что случилось? – спросил я, поднимаясь с постели и пытаюсь собраться с мыслями.

– Мы боимся, что нашей матушке очень плохо. Похоже, у нее какой-то припадок. Но, к несчастью, она заперла дверь изнутри.

– Сейчас иду.

Я вскочил с кровати и, на ходу натягивая халат, проследовал за Лоуренсом по коридору в правое крыло дома.

К нам присоединился Джон Кавендиш, а всех нас уже поджидали несколько слуг в состоянии страшного волнения. Лоуренс повернулся к брату:

– Как ты думаешь, что нам лучше сделать?

«Никогда еще, – подумал я, – нерешительность его характера не проявлялась более очевидно».

Джон ожесточенно покрутил ручку двери спальни миссис Инглторп, но ничего не добился. Очевидно, ее заперли изнутри на ключ или щеколду. Вокруг нас уже собрались все домочадцы. Из спальни доносились крайне тревожные звуки. Стало ясно, что необходимо срочно что-то предпринять.

– Сэр, может, попытаться пройти к ней через комнату мистера Инглторпа? – крикнула Доркас. – Ох, бедняжка, как она там мучается!

Внезапно я осознал, что с нами нет Альфреда Инглторпа – он единственный не вышел в коридор. Джон открыл дверь его комнаты. Кромешную тьму его спальни Лоуренс осветил свечой, и в ее слабом свете мы увидели, что его кровать не разобрана и в комнате вообще не заметно признаков чьего-либо присутствия.

Мы сразу направились к двери в смежную комнату, но обнаружили только, что она тоже заперта с другой стороны.

Что же нам оставалось делать?

– О боже, сэр! – заламывая руки, вскричала Доркас. – что же нам теперь делать?

– Полагаю, придется взломать дверь. Хотя это трудная задача... Так, пусть одна из горничных спустится, разбудит Бейли и немедленно отправит его за доктором Уилкинсом. А мы пока попытаемся вскрыть дверь. Хотя... минутку, а нет ли еще какой-то двери со стороны комнаты мисс Синтии?

– Есть, сэр, только она обычно всегда заперта. Ее вообще не отпирают.

– Нет, лучше все же проверить.

Джон быстро пробежал по коридору к комнате Синтии. Туда уже вошла Мэри Кавендиш; она пыталась растрясти девушку, но, похоже, Синтия спала как убитая и ни на что не реагировала.

Вскоре Джон вернулся в спальню Инглторпа.

– Бесполезно, – буркнул он. – Все заперто. Надо взломать эту дверь. По-моему, внутренняя тоньше, чем коридорная.

Мы дружно попытались высадить злосчастную дверь, но ее полотно оказалось довольно прочным и долго сопротивлялось нашим усилиям. Наконец мы почувствовали, как под нашим весом твердыня начала поддаваться, и в итоге дверь с треском распахнулась.

Мы ввалились в спальню, Лоуренс по-прежнему держал свечу. Миссис Инглторп лежала в кровати; все ее тело сотрясали страшные судороги, во время которых она, видимо, опрокинула прикроватный столик. Когда мы вошли, однако, ее мышцы расслабились, и она откинулась на подушки.

Быстро метнувшись к стене, Джон включил газовый рожок. Обратившись к Энни, одной из горничных, он велел ей спуститься в столовую и принести бренди.

Потом бросился к матери, а я отодвинул щеколду на двери в коридор.

Повернувшись к Лоуренсу, я уже хотел сказать, что мне лучше удалиться, поскольку больше в моих услугах нет никакой необходимости, но слова застыли у меня на языке. Никогда еще мне не приходилось видеть выражения такого ужаса на лице человека. Он побелел как мел, свеча дрожала в его руке так, что воск капал прямо на ковер, и в его глазах застыл неопиcуемый страх или какое-то сходное чувство, при этом он пристально смотрел мимо меня в какую-то точку на противоположной стене. Создавалось впечатление, будто нечто, увиденное там, заставило его окаменеть. Невольно я взглянул в ту же сторону, но не заметил ничего пугающего. В камине еще слабо мерцали угли, а сверху на каминной полке вполне мирно и чопорно стояли декоративные безделушки.

Припадок миссис Инглторп, казалось, прошел. Она еще задыхалась, но сумела произнести несколько слов.

– Мне лучше... совсем неожиданно... как глупо... что я заперлась...

На кровать упали новые тени, и подняв глаза, я увидел, что возле двери стоит Мэри Кавендиш, обнимая Синтию за талию. Видимо, она поддерживала девушку, которая сонно пошатывалась и вообще выглядела очень странно. Ее лицо густо покраснело, и она постоянно зевала.

– Бедняжка Синтия совсем перепугалась, – произнесла миссис Кавендиш четким тихим голосом.

Сама она, как я заметил, успела накинуть белый рабочий халат, в котором обычно работала на ферме. Значит, подумал я, ночь уже, видимо, подходит к концу. Через щель в оконных шторах действительно пробивались слабые рассветные лучи, и часы на каминной полке показывали около пяти часов утра.

Я вздрогнул, услышав сдавленный крик с кровати. Несчастная старая леди скорчилась в новом приступе боли. Ее тело забилося в ужасных конвульсиях. В комнате царило оцепенелое замешательство. Мы столпились вокруг кровати, не зная, чем помочь, как облегчить страдания несчастной. От последней конвульсии тело миссис Инглторп выгнулось такой крутой дугой, что, казалось, она стоит, опираясь лишь на голову и пятки. Тщетно Мэри и Джон пытались

вливать в нее еще немного бренди. Напряжение ненадолго спало. Но вновь ее тело внезапно изогнулось той же дикой дугой.

В этот момент в спальню решительно ворвался доктор Бауэрштайн. На мгновение он застыл в изумлении, глядя на изогнувшуюся на кровати больную, и в то же мгновение миссис Инглторп сдавленно вскрикнула, устремив на доктора застывший взгляд:

– Альфред! Альфред!

В следующее мгновение ее оцепеневшее тело безжизненно застыло на кровати.

Сделав стремительный широкий шаг, доктор склонился над кроватью и, схватив больную за руки, принялся, насколько я понял, энергично делать искусственное дыхание. Одновременно он отрывисто отдал слугам пару строгих приказов. Повелительным взмахом руки он вынудил нас отступить к двери. Точно зачарованные, мы наблюдали за его действиями, хотя, мне кажется, все мы в глубине души понимали, что он пришел слишком поздно и непоправимое уже случилось. По выражению его лица я догадался, что и сам он мало на что надеется.

Наконец Бауэрштайн отказался от попыток и удрученно покачал головой. Из коридора донеслись торопливые шаги, и в комнату, отдуваясь, влетел тучный нервный коротышка, личный врач миссис Инглторп, доктор Уилкинс.

Доктор Бауэрштайн коротко пояснил, что случайно проходил мимо главных ворот поместья, увидел, как оттуда выезжает автомобиль, и, узнав, что он отправился за доктором Уилкинсом, со всех ног побежал к дому. Устало взмахнув рукой, он показал на распростертое на кровати тело.

– Да, прискорбно. Весьма прискорбно, – пробурчал доктор Уилкинс. – Бедняжка. Вечно она тратила слишком много сил... не жалела себя... не слушала моих советов. А я ведь предупреждал ее. Говорил, что с сердцем у нее далеко не все в порядке. Твердил ей: «Не волнуйтесь, смотрите на вещи проще». Но куда там... она ведь неугомонно стремилась творить добрые дела. Вот натура и взбунтовалась. Природа, знаете ли, бе-рет свое, – с выразительной расстановкой заключил он.

Доктор Бауэрштайн, как я заметил, пристально взирал на местного врача. По-прежнему не сводя с него взгляда, он сказал:

– Конвульсии были на редкость сильными, доктор Уилкинс. Жаль, что вы не успели увидеть последнего приступа. По виду это очень напоминало тетанию.

– Вот как? – с умным видом произнес доктор Уилкинс.

– Мне хотелось бы переговорить с вами с глазу на глаз, – добавил Бауэрштайн и обернулся к Джону: – Вы не возражаете?

– Конечно, пожалуйста.

Все мы направились в коридор, оставив двух докторов в спальне, и я услышал, как за нами закрыли дверь, повернув ключ в замке.

Мы медленно спустились на первый этаж. Меня охватило необычайное волнение. Имея склонность к дедукции, я заподозрил большую странность в поведении доктора Бауэрштайна, и в голове моей тут же возникло множество диких предположений.

Мэри Кавендиш тронула меня за руку.

– В чем дело? Почему доктор Бауэрштайн так странно повел себя?

– Вы знаете, о чем я думаю?

– О чем?

– Послушайте! – Оглянувшись, я убедился, что нас не подслушивают, и прошептал: – По-моему, ее отравили. Я уверен, что именно это подозревает доктор Бауэрштайн.

– Что? – Мэри привалилась к стене, зрачки ее глаз мгновенно расширились, почти лишившись радужной оболочки.

Всхлипнув, она испугала меня, вдруг закричав:

– Нет, нет... не может быть... это невозможно!

Вырвавшись от меня, женщина побежала вверх по лестнице. Я последовал за ней, опасаясь, как бы она не упала в обморок. Смертельно побледнев, Мэри стояла, привалившись к перилам. Но, увидев меня, раздраженно махнула рукой:

– Нет, нет... оставьте меня. Мне надо немного побыть одной. Просто надо немного успокоиться. Прошу вас, возвращайтесь к остальным.

Я неохотно подчинился. Джон и Лоуренс зашли в столовую. Я присоединился к ним. Все мы долго молчали, но я решился нарушить молчание, задав, очевидно, интересовавший всех вопрос:

– А где мистер Инглторп?

Джон в недоумении покачал головой:

– По-моему, дома его нет.

Мы переглянулись. Так куда же подевался Альфред Инглторп? Его отсутствие казалось странно необъяснимым. Мне вспомнились последние слова умирающей миссис Инглторп. Что скрывалось за ними? Что еще она могла бы сказать нам, если бы у нее оставалось время?

Вскоре мы услышали, как доктора спускаются по лестнице. Доктор Уилкинс выглядел важным и напряженным, явно пытаюсь скрыть странное возбуждение под напускным спокойствием. Доктор Бауэрштайн держался на заднем плане, выражение его мрачного бородатого лица не изменилось. Доктору Уилкинсу представилась возможность выразить их общее мнение.

– Мистер Кавендиш, – произнес он, обращаясь непосредственно к Джону, – мне нужно получить ваше согласие на посмертное вскрытие.

– Разве это так необходимо? – печально поинтересовался тот, скривившись от боли.

– Безусловно необходимо, – вставил доктор Бауэрштайн.

– Вы имеете в виду, что...

– Что в данных обстоятельствах ни доктор Уилкинс, ни я сам не можем выдать свидетельство о естественной смерти.

– В таком случае, – склонив голову, сказал Джон, – у меня нет иного выхода, кроме как согласиться.

– Благодарю вас, – оживленно произнес доктор Уилкинс, – мы предполагаем, что процедура произойдет завтра вечером... или, вернее, уже сегодня вечером, – добавил он, глянув на рассеявшийся ночной сумрак. – И учитывая все обстоятельства, боюсь, вряд ли удастся избежать некоторого дознания... Но прошу вас, не терзайте себя, просто таковы необходимые формальности.

После небольшой паузы доктор Бауэрштайн вытащил из кармана два ключа и передал их Джону.

– Это ключи от дверей двух смежных комнат. Сейчас я запер их, и, на мой взгляд, до прибытия официальных лиц их лучше не открывать.

Доктора удалились.

Я же обдумал одну идею и теперь почувствовал, что пора бы высказать ее. Однако, опасаясь негативной реакции, продолжал нерешительно медлить. Джон, как я понимал, крайне боялся любой огласки и, будучи беспечным оптимистом, предпочитал по возможности избегать любых трудностей. Его будет трудно убедить в благоразумии моего плана. Лоуренс, с другой стороны, будучи более консервативным и обладая богатым воображением, вполне мог бы стать моим союзником.

Вне всякого сомнения, в данный момент мне следовало проявить инициативу.

– Джон, хочу предложить вам кое-что, – осторожно произнес я.

– Что же?

– Вы помните, я рассказывал о моем друге, месье Пуаро?

– О том бельгийце, который прибыл сюда? Он ведь считался знаменитым детективом...

– Верно. Я хочу, чтобы вы позволили мне пригласить его сюда... расследовать это дело.

– Что... так сразу? До вскрытия?

– Именно, нельзя терять преимущества времени, если... если уж... совершено преступление.

– Какие глупости! – гневно вскричал Лоуренс. – На мой взгляд, этот Бауэрштайн просто выдумал черт знает что! Уилкинс ни о чем плохом не подумал, пока тот не настроил его. Но, как любой подобный эксперт, Бауэрштайн одержим навязчивой идеей. Он помешался на своих ядах, и, естественно, ему повсюду мерещатся отравления.

Признаюсь, меня удивило отношение Лоуренса. Учитывая, что он вообще крайне редко испытывал сильные эмоции.

Джон нерешительно помолчал.

– Не могу сказать, Лоуренс, что я готов согласиться с тобой, – наконец заявил он. – Я склонен предоставить Гастингсу свободу действий, хотя предпочел бы немного повременить. Ведь, возможно, нам удастся избежать скандала.

– Никакого скандала! – пылко воскликнул я. – вам совершенно нечего опасаться. Пуаро – сама осмотрительность, из него лишнего слова не вытянешь.

– Тогда отлично, поступайте как знаете. Даю вам карт-бланш. Хотя, если наши подозрения верны, то дело представляется вполне ясным. Прости меня, господа, если я в нем ошибаюсь!

Я глянул на свои часы. Стрелки подошли всего лишь к шести утра. Я решил, что медлить нельзя, но все-таки позволил себе задержаться минут на пять. Зайдя в библиотеку, я отыскал медицинский справочник, где описывались признаки отравления стрихнином.

Глава 4

Пуаро приступает к расследованию

Деревенский коттедж, где остановились бельгийцы, находился неподалеку от парковых ворот. Сокращая путь в деревню, домочадцы обычно пользовались луговой тропинкой, а не петляющей автомобильной дорогой. И мне, естественно, кратчайший путь показался более привлекательным. Я уже подходил к воротам, когда мое внимание привлекла бегущая мне навстречу фигура. Это был мистер Инглторп. Где же он пропадал? Как, интересно, он объяснит свое отсутствие?

– Боже мой! – вскричал он, заметив меня. – Какой кошмар! Моя бедная жена! Мне только что сообщили...

– Где вы были? – прервал я его.

– Вчера вечером мы засиделись у Денби. Закончили дела уже около часа ночи. Тогда я обнаружил, что все-таки забыл ключ. Мне не хотелось никого будить, и Денби предоставил мне диван.

– И откуда же вы узнали новость?

– Уилкинс зашел к Денби и сообщил ему. Моя бедная Эмили! Она была такой самоотверженной... такой великодушной... И совершенно себя не щадила.

Меня окатила волна отвращения. Как же виртуозно он умел лицемерить!

– Я спешу, – сухо бросил я, с облегчением осознав, что он не поинтересовался, какое же у меня спешное дело.

Вскоре я уже стучался в дверь коттеджа Листуэйз. Не дождавшись никакой реакции, я сопровождал стук взволнованными возгласами. Окно на втором этаже осторожно приоткрылось, и оттуда выглянул сам Пуаро.

Увидев меня, он издал удивленное восклицание. В нескольких словах я сообщил ему о случившейся трагедии и попросил его о помощи.

– Подождите, друг мой, сейчас я впущу вас, и вы посвятите меня в подробности дела, пока я буду одеваться.

Через пару минут он открыл дверь, и я проследовал за ним в его комнату.

Устроившись в предложенном мне кресле, я пересказал ему всю историю, ничего не утаивая и не упуская ни малейшей, даже самой незначительной подробности, а он между тем с обычной тщательностью и сосредоточенностью совершал утренний туалет.

Я сообщил в том числе о моем ночном пробуждении, о последних словах миссис Инглторп, об отсутствии дома ее мужа, их вчерашней ссоре и о подслушанном мной обрывке разговора между Мэри и ее свекровью. Упомянул даже более раннюю ссору миссис Инглторп с Эвелин Говард, высказавшей свои нелюбезные подозрения.

Вряд ли рассказ мой прозвучал так логично, как мне хотелось. Несколько раз я повторялся, а иногда мне приходилось вставлять забытые детали.

Пуаро любезно улыбнулся, глянув на меня.

– Душа в смятении? Не так ли? Не спешите, mon ami. Вы слишком взволнованы, слишком потрясены... вполне естественно. Вскоре, успокоившись, мы выстроим все факты четко, в надлежащей последовательности. Мы все изучим... и отбросим несущественное. Все важное учтем, а пустяки... фью! – он соорудил ангельскую мину и дунул, забавно раздув щеки, – они улетучатся сами собой!

– Прекрасный план расследования, но как вы сумеете вычислить, что важно, а что нет? – возразил я. – На мой взгляд, такое решение принять весьма сложно.

Пуаро энергично покачал головой. Он как раз с особым тщанием расчесывал свои щегольские усы.

– Не так страшен черт... Voyons![5 - Увидим! (фр.)] Один факт указывает на другой... мы их связываем. Допустим, их связь логична. ? merveille![6 - Чудесно! (фр.)] Отлично! Можно двигаться дальше. Но, к примеру, очередной мелкий факт почему-то не согласуется с остальными. Вот это уже любопытно! Значит, чего-то не хватает, какое-то звено выпало из цепи. Мы исследуем все нюансы, проводим поиски. И тот мелкий любопытный факт – возможно, пустяковая, неучтенная мелкая деталь – встает на свое место! – Он торжествующе взмахнул рукой. – И тогда он становится существенным! Потрясающе важным!

– М?да, возможно... – неуверенно протянул я.

– Ах! – Пуаро так яростно погрозил мне пальцем, что я невольно спасовал. – Нельзя ничего упускать! Провал ждет детектива, который говорит: «Такой пустяк не имеет никакого значения. Он абсолютно не вяжется с остальными. Забудем о нем». Такой подход ведет к замешательству и путанице. В расследовании имеет значение любая мелочь.

– Я понимаю. Так вы мне обычно и говорили. Потому-то я и пустился описывать все подробности этой истории, какими бы незначительными они мне ни казались.

– Да, я доволен вами. У вас отличная память, и вы достоверно представили мне все факты. О порядке, в коем вы изложили их, лучше умолчать... честно говоря, он прискорбен! Но я принимаю во внимание ваше расстройство. К этому обстоятельству я отношу и то, что вы упустили и один крайне важный факт.

– Какой же?

– Вы не сообщили мне, хорошо ли миссис Инглторп ела вчера вечером.

Я удивленно уставился на него. Война, несомненно, повредила мыслительные способности моего славного друга. Разговаривая со мной, он продолжал тщательно чистить пиджак, и, казалось, это занятие полностью завладело его вниманием.

– Не припоминаю, – признался я, – но во всяком случае мне не понятно...

– Неужели вам не понятно? Ведь ее вчерашний ужин имеет первостепенное значение.

– Решительно не понимаю причин такой важности, – несколько раздраженно проворчал я. – Насколько я помню, ела она немного. Она пребывала в расстроенных чувствах, и у нее пропал аппетит. Вполне естественно, по моему.

– Верно, – задумчиво произнес Пуаро, – именно естественно.

Открыв ящик комода, он достал свой кожаный рабочий баульчик и повернулся ко мне.

– Итак, я готов. Мы отправимся в усадьбу и изучим факты на месте. Простите, mon ami, вы одевались в спешке и криво завязали галстук. Позвольте, я поправлю. – Не дожидаясь моего разрешения, он ловко перевязал его, сделав идеальный узел. – Вот так! ?а у est! [7 - Готово! (фр.)] Итак, не пора ли нам тронуться в путь?

Быстро оставив позади деревенскую улочку, мы вошли в ворота усадьбы. Пуаро немного помедлил, окинул печальным взглядом прекрасный большой парк, еще поблескивающий каплями утренней росы.

– Какая красота, дивная красота, и, увы, несчастные ее владельцы охвачены скорбью, потрясены горем, – изрек он, пронизательно глядя на меня, и я почувствовал, что невольно покраснел под его долгим пристальным взглядом.

Охвачено ли на самом деле скорбью здешнее семейство? Глубоко ли они скорбят о смерти миссис Инглторп? Я вдруг осознал, что атмосфере этого дома не хватало эмоциональной искренности. Покойница не обладала даром внушения любви. Ее кончина стала мучительным потрясением, однако никто не будет убиваться и посыпать голову пеплом.

Пуаро, похоже, прочел мои мысли и печально кивнул.

– Да, вы правы, – заметил он, – и не только потому, что они не связаны кровными узами. Она окружала братьев Кавендишей щедрой заботой, но все-таки оставалась для них неродной матерью. Кровное родство, разумеется, имеет важнейшее значение, не забывайте, оно сказывается на уровне подсознания.

– Пуаро, – сказал я, – мне хотелось бы, чтобы объяснили, почему вам так приспичило узнать, хорошо ли миссис Инглторп вчера отужинала? Я все раздумываю над вашими словами, но, хоть убейте, не могу понять, какое это имеет значение.

Мы двинулись по аллее, и, помолчав немного, он наконец сказал:

– Что ж, я согласен дать пояснения, хотя, как вам известно, не в моих привычках объяснять что-то до завершения расследования. На данный момент предполагается, что миссис Инглторп умерла от отравления стрихнином, вероятно, подсыпанным в ее кофе.

– Вероятно...

– Итак, в какое время подали кофе?

– Около восьми часов.

– Следовательно, она выпила его до половины девятого... то есть, очевидно, ненамного позже. Далее, стрихнин, несомненно, является быстродействующим ядом. Его воздействие сказывается очень скоро, вероятно, в течение часа. Однако в случае миссис Инглторп симптомы отравления не проявляли себя почти до пяти часов утра, то есть порядка девяти часов! Однако плотный ужин, вскоре после которого человек принял яд, существенно замедляет процесс действия отравы, хотя вряд ли так надолго. Тем не менее возможно, этот факт надо учесть. Но, согласно вашим воспоминаниям, она мало ела за ужином, и все-таки симптомы отравления не проявились почти до утра! Вот что является подозрительным, друг мой. После вскрытия дело может проясниться. Но пока надо просто помнить об этой странности.

Мы подошли к дому, навстречу нам вышел Джон. Он выглядел усталым и осунувшимся.

– Чудовищная история, месье Пуаро, – сказал он. – Гастингс сообщил вам, что нам не хотелось бы никакой преждевременной скандальной огласки?

– Я всецело понимаю и поддерживаю вас в данном вопросе.

– Да, тем более что пока у нас есть одни подозрения. Никаких определенных фактов.

– Совершенно верно. Главное – соблюдать разумную осмотрительность.

Джон повернулся ко мне, достал портсигар и, прикуривая сигарету, спросил:

– Вы уже в курсе, что вернулся наш пропащий Инглторп?

– Да, я встретил его.

Джон отбросил спичку на ближайшую клумбу, и его небрежность явно пришлась не по душе аккуратному Пуаро. Он нашел обгоревшую спичку и аккуратно закопал ее.

– Чертовски трудно понять, как теперь вести себя с ним.

– Ну, эта трудность быстро разрешится, – успокоил его бельгиец.

Джон явно удивился, не вполне понимая последствия этих загадочных слов. Он вручил мне два ключа, переданных ему доктором Бауэрштайном.

– Покажите месье Пуаро все, что он захочет увидеть.

– Так эти комнаты заперты? – спросил бельгиец.

– Доктор Бауэрштайн счел это целесообразным.

– Значит, у него не возникло никаких сомнений, – задумчиво кивнув, пробурчал Пуаро. – Что ж, это упрощает нам дело.

Мы вместе поднялись в комнату, где произошла трагедия. Для более ясного понимания я добавлю описание этой спальни и расположение основных предметов обстановки.

Пуаро запер дверь изнутри и приступил к доскональному осмотру места преступления. Его взгляд с живостью кузнечика перепрыгивал с предмета на предмет. Боясь уничтожить улики, я остался возле двери. Пуаро, однако, оценил мою предусмотрительность по-своему.

– Что это вы там застыли, друг мой! – воскликнул он и с запинкой прибавил: – Как-то... как это у вас говорится... Ах да, как баран перед новыми воротами?

Я пояснил, что боюсь уничтожить какие-то следы.

– Следы? Вот еще выдумки! В этой комнате уже побывала целая армия! Чьи же следы нам могут быть полезны? Нет уж, идите сюда и помогите моим поискам. Я оставлю пока здесь за ненадобностью свой баульчик.

Он поставил его на круглый столик возле окна, но, как выяснилось, поступил опрометчиво – столешница накренилась, и баул свалился на пол.

– Eh voila une table![8 - Ну и стол! (фр.)] – возмутился Пуаро. – Увы, друг мой, можно жить в роскошном доме, не имея, однако, при этом приличной мебели.

После этой печальной сентенции маленький бельгиец возобновил поиски.

Какое-то время он с интересом разглядывал на бюро пурпурный бювар с изящным ключом в замке. Вытащив ключ из замка, предложил его мне для осмотра. Я не увидел в нем, честно говоря, ничего особенного. Типичный ключ от американского замка? Йейла[9 - Лайнус Йейл-старший (1797–1854) и Лайнус Йейл-младший (1821–1868) – отец и сын, известные американские изобретатели и производители замков.] с пропущенной через головку проволочкой.

Далее Пуаро обследовал коробку взломанной нами двери, убедившись, что она действительно была заперта на щеколду, а затем перешел к двери, ведущей в комнату Синтии. Щеколда этой двери, как я и говорил, тоже была задвинута. Тем не менее Пуаро решил проверить задвижку и несколько раз открыл и закрыл ее; причем старался проделать это совершенно бесшумно. Но что-то в самой этой щеколде, похоже, привлекло его внимание. Тщательно осмотрев задвижку, он ловко извлек из своего баульчика изящный пинцет, снял с засова какие-то волоски и запечатал их в пакетик.

На комоде стоял поднос со спиртовкой и установленным на ней ковшиком. В ковшике еще осталось немного темной жидкости, а рядом стояла чашка с блюдцем, из которой что-то пили.

Удивительно, как я мог быть столь невнимательным, чтобы не заметить их раньше. Ведь, вероятно, там обнаружится важная улика. Пуаро слегка коснулся пальцем остатков жидкости и осторожно попробовал ее.

– Какао, – поморщившись, сообщил он, – с добавлением... по-моему... рома.

После чего его внимание привлекли осколки на полу возле перевернутого прикроватного столика. Помимо мелких осколков кофейной чашки, на полу еще валялись детали настольной лампы, спички, несколько книжек и связка ключей.

– Странно, – пробормотал Пуаро.

– Честно говоря, – хмыкнув, возразил я, – ничего странного я тут не вижу.

– Неужели? Обратите внимание на светильник: его ламповое стекло раскололось всего на две части, и они лежат так же, как упали. Но кофейная чашка почему-то разбилась в мелкиедребезги.

– Что ж, допустим, – вяло предположил я, – кто-то случайно раздавил осколки.

– Именно, – загадочно произнес Пуаро, – кто-то раздавил осколки.

Он поднялся с колен, медленно подошел к каминной полке и, рассеянно разглядывая безделушки, начал выстраивать их в строгой симметрии – так

Пуаро обычно поступал в моменты волнения.

– Mon ami, – наконец, повернувшись ко мне, заявил он, – кто-то раздавил осколки чашки, раздавил специально, либо потому, что в нее добавили стрихнин, либо – что гораздо существеннее – потому, что там не было никакого стрихнина!

Я предпочел промолчать. Вывод Пуаро привел меня в замешательство, но я понимал, что бесполезно добиваться от него объяснений.

Задумчиво помедлив, он наконец оживился и продолжил свои поиски. Поднял с пола связку ключей, повертел их в руках и наконец, выбрав самый блестящий и отполированный ключ, попытался вставить его в замочек бювара. Ключ подошел, и Пуаро открыл бювар, но после легкого колебания закрыл и опять запер его, а связку ключей наряду с тем ключом, что изначально находился в замке бювара, спрятал себе в карман.

– Я не имею права смотреть эти бумаги. Но это надо будет сделать незамедлительно!

Далее Пуаро тщательно изучил содержимое шкафчика над умывальником. Направляясь к расположенному в левой стороне окну, он вдруг остановился и начал с особой пристальностью разглядывать округлое пятно, еле заметное на поверхности темно-коричневого ковра. Опустившись на колени, бельгиец дотошно изучил пятно, даже принюхался к его запаху.

В итоге он налил немного какао в пробирку и тщательно закрыл ее пробкой. Спрятав пробирку в специальное отделение баула, извлек оттуда записную книжечку и произнес, быстро строча в ней что-то:

– Итак, мы обнаружили в этой комнате шесть интересных находок. Могу их перечислить, если вы не против...

– Ни в коей мере, – поспешно ответил я.

– Тогда прекрасно. Во-первых, раздавленная в пыль кофейная чашка; во-вторых, бювар с ключом в замке; в-третьих, пятно на ковре.

– Но оно ведь могло появиться гораздо раньше, – вставил я.

– Отнюдь, пятно еще немного влажное и пахнет кофе. В четвертых, обрывки темно-зеленой ткани... всего пара ниточек, но цвет легко определяется.

– Ах! – воскликнул я. – Так вот что вы спрятали в пакетик.

– Да. Хотя если эти нитки из платья самой миссис Инглторп, то вряд ли они представляют для нас интерес. Поживем – увидим. Пятая находка опять же представлена на полу, – выразительным жестом он показал на брызги свечного сала на ковре возле бюро. – Их, наверное, оставили вчера, иначе усердная горничная уже избавилась бы от них с помощью промокательной бумаги и горячего утюга. Однажды так же пострадала одна из моих лучших шляп... впрочем, не будем отвлекаться.

– Вполне вероятно, ковер случайно закапали прошедшей ночью. Все мы пребывали в жутком волнении. Или миссис Инглторп сама могла запачкать свечой ковер.

– Вы принесли сюда только одну свечу?

– Да. Подсвечник держал Лоуренс Кавендиш. И он жутко разволновался. Мне показалось, что он увидел вон там, – я показал на каминную полку, – нечто столь ужасное, что буквально оцепенел.

– Интересно, – быстро произнес Пуаро. – Да, это наводит на некоторые размышления, – его взгляд скользнул по стене над камином, – однако ту здоровенную кляксу оставила не его свеча, поскольку, как вы видите, пятно там от белой свечи, а месье Лоуренс любезно оставил нам на туалетном столике свою розовую свечу. С другой стороны, в спальне миссис Инглторп вообще нет подсвечников, только настольная лампа.

– Понятно, – промямлил я. – И какой вы делаете вывод?

Но мой друг отделался лишь досадным ответом, побуждая меня использовать мои собственные умственные способности.

– И какова же шестая находка? – поинтересовался я. – Вероятно, проба какао?

– Нет, – задумчиво произнес Пуаро. – Я мог бы включить ее в нашу интересную шестерку, но передумал. Нет, шестую находку я позволю себе пока не оглашать.

Он пробежал взглядом по спальне.

– Полагаю, нам здесь больше нечего делать, разве что... – Он склонился к камину и начал пристально разглядывать пепел в топке. – Да, огонь сделал свое дело... уничтожил бумагу. Но случайно могло... давайте-ка посмотрим!

Ловко опустившись на четвереньки, он начал разбирать кусочки пепла, с величайшей осторожностью выкладывая их на край решетки. Внезапно он тихо ахнул.

– Пинцет, Гастингс!

Я быстро передал ему инструмент, и он искусно извлек из топки полуобгоревший кусочек бумаги.

– Смотрите, топ ами! – вскричал он. – Что вы думаете об этом?

Я тщательно изучил клочок. Он явно имел отношение к какому-то документу...

[10 - «...ие» (англ.).]

Да, тут стоит поломать голову. Клочок был довольно толстым, резко отличавшимся от тонкой почтовой бумаги. И вдруг меня осенило.

– Пуаро! – вскричал я. – Это же остаток завещания! [11 - На клочке бумаги стоят буквы «...ие и».]

– Именно так.

Я подозрительно глянул на него.

– Разве вы не удивлены?

– Нисколько, – серьезно ответил он, – как раз этого я и ожидал.

Получив от меня драгоценную находку, Пуаро уложил ее в пакетик с присущей ему по жизни методичностью и аккуратностью. Вихрь вопросов закружился в моей голове. Что это за таинственное завещание? Кто мог уничтожить его? Человек, заляпавший ковер белым стеарином? Очевидно. Но как он проник в спальню? Ведь все двери были заперты изнутри.

– Итак, друг мой, – оживленно произнес Пуаро, – уходим отсюда. Мне нужно бы задать несколько вопросов горничной... если не ошибаюсь, ее зовут Доркас.

Мы вышли через комнату Альфреда Инглторпа, и Пуаро задержался там для быстрого, но вполне всеобъемлющего осмотра. Выйдя в коридор, мы заперли его комнату так же, как заперли до этого спальню миссис Инглторп.

Я проводил Пуаро на первый этаж в будуар, который он выразил желание осмотреть, а сам отправился на поиски Доркас. Однако, вернувшись с ней, я обнаружил, что в будуаре уже никого нет.

– Пуаро, – воскликнул я, – где же вы?

– Я здесь, друг мой, – его голос доносился из-за застекленных дверей, выходящих в сад.

Бельгиец стоял там перед цветником с разнообразными ухоженными клумбами, очевидно, преисполненный восхищения.

– Восхитительно! – проворковал он. – Восхитительно! Какая симметрия... Взгляните на тот полумесяц и на эти ромбы, их точные формы радуют глаз. И расстояния между посадками также идеальны. Полагаю, цветы высадили тут совсем недавно?

– Да, по-моему, их высаживали вчера днем. Но возвращайтесь к нам, я привел Доркас.

– Eh bien, eh bien![12 - Хорошо, хорошо! (фр.)] Не сердитесь, что я позволил себе немного полюбоваться такой красотой.

– Всё в порядке, но у нас есть еще более важные дела.

– Почему же вы решили, что наши прекрасные бегонии менее важны?

Я молча пожал плечами. Когда он пребывал в таком настроении, спорить с ним не имело смысла.

– Так вы не согласны? Напрасно, иногда цветы могут многое рассказать... Итак, приступим к разговору с нашей славной Доркас.

Горничная стояла в будуаре, скрестив на груди руки; белоснежная форменная шапочка покрывала ее волнистые седые волосы, уложенные в строгую прическу. Она являла собой чопорный образец преданной и добропорядочной служанки.

Поначалу Доркас отнеслась к Пуаро с подозрением, но он быстро сумел завоевать ее расположение.

– Прошу вас, мадемуазель, присаживайтесь, – предложил он, подвигая к ней стул.

– Благодарю, сэр.

– Если не ошибаюсь, вы служили у миссис Инглторп много лет?

– Десять лет, сэр.

– Долгий срок для столь безупречной службы. Вероятно, вы сильно привязались к ней?

– Она была очень добра ко мне, сэр.

– Тогда, надеюсь, вас не затруднит ответить на несколько интересующих меня вопросов. Разумеется, я веду расследование с полного одобрения мистера Кавендиша.

– Да, конечно, сэр.

– Итак, для начала меня волнуют некоторые события вчерашнего дня. Насколько мне известно, вашу хозяйку вчера расстроила какая-то ссора?

– Да, сэр. Но не знаю, уместно ли мне... – Доркас нерешительно умолкла.

– Любезная Доркас, – проницательно взглянув на служанку, с убедительной мягкостью произнес Пуаро, – мне необходимо как можно полнее разобраться в ситуации, узнать все в мельчайших деталях. Даже не думайте о том, что вы выдаете хозяйские секреты. Ваша хозяйка умерла, и нужно выяснить все подробности, если мы хотим отомстить за нее. Ничто уже не вернет ее к жизни, но у нас есть надежда, если произошло убийство, отдать виновного в руки правосудия.

– Воистину так! – горячо поддержала его Доркас. – Ладно, не называя имен, могу сказать, что есть в этом доме один тип, которого все мы терпеть не можем! В злосчастный день, сэр, этот грешный проходимец переступил порог нашего дома...

Пуаро дал выплеснуться ее негодованию и спросил, вновь переходя на деловой тон:

– Так что вам известно о вчерашней ссоре? Во-первых, как вы узнали о ней?

– В общем, сэр, вчера мне случилось проходить через холл...

– В какое время?

– Не могу сказать точно, сэр, но до чая было еще далеко. Может, часа четыре или чуток позже. Значит, сэр, как я и говорила, мне случилось проходить по холлу, тогда-то я и услышала голоса, очень громкие и сердитые голоса. Я вовсе не собиралась подслушивать, но... В общем, я невольно остановилась.

Дверь в будуар была закрыта, но я узнала резкий и громкий голос хозяйки и вполне четко услышала, что она говорила. «Вы лгали, вы беспардонно обманывали меня», – заявила она. Мне не удалось разобрать, что именно ответил мистер Инглторп, он говорил гораздо тише, но она возмущенно ответила ему: «Как вы смеете? Я содержала вас, кормила и одевала! Вы обязаны мне всем! И вот как вы отблагодарили меня! Навлекли позор на наше имя!» И опять я не расслышала его ответа, а она продолжила: «Ваши оправдания ничего не изменят. Мне вполне понятно, как я должна поступить. Все уже решено. Не думайте, что меня остановит боязнь огласки или семейного скандала». Потом мне показалось, что они направились к двери, и я поспешила удалиться.

– Вы уверены, что узнали голос мистера Инглторпа?

– Ну да, сэр, кто же еще там мог быть?

– Хорошо, и что же произошло потом?

– Позднее я вернулась в холл, но все уже успокоилось. В пять часов миссис Инглторп вызвала меня колокольчиком и велела принести чашку чая – только чая, без сандвичей – к ней в будуар. Хозяйка выглядела ужасно... огорченной и побледневшей. «Доркас, – сказала она, – я пережила страшное потрясение». «Очень жаль, мэм, – ответила я. – Надеюсь, после чашки ароматного горячего чая, мэм, вы почувствуете себя лучше». Она держала в руке какую-то бумагу. Не знаю, то ли письмо, то ли какой-то документ, но лист был исписан, и она читала его с таким видом, словно не могла поверить написанному. Точно забыв, что я еще в комнате, она прошептала: «Всего несколько слов... а мой мир перевернулся». А потом и говорит мне: «Никогда не верьте мужчинам, Доркас, они недостойны этого!» Быстро удалившись, я принесла ей чашку горячего крепкого чая, и она поблагодарила меня и сказала, что хороший чай, наверное, поможет ей успокоиться. А потом вдруг и говорит: «Ох, Доркас, не представляю, что мне теперь делать. Скандал меж супругами чреват громадными неприятностями. Я предпочла бы, по возможности, избежать огласки». Но в тот момент к нам присоединилась миссис Кавендиш, поэтому хозяйка больше ничего не сказала.

– А то письмо или документ все еще оставался у нее в руках?

– Да, сэр.

– Как вы думаете, что она могла с ним сделать потом?

– Ну, трудно сказать, сэр... может, убрала его в свой пурпурный бювар.

– Там она обычно хранила важные бумаги?

– Да, сэр. Она приносила его в будуар каждое утро и забирала в спальню по вечерам.

– Когда она потеряла ключ от бювара?

– Ой, она хватилась его вчера перед обедом, сэр, и попросила меня постараться отыскать его. Ее очень огорчила эта потеря.

– Но у нее ведь имелся запасной ключ?

– Ну да, сэр.

Доркас взирала на него с большим любопытством, так же как и я, честно говоря. Как он узнал о потерянном ключе?

– Не удивляйтесь, Доркас, – с улыбкой заметил Пуаро, – у меня профессиональная проницательность. Не этот ключ потерялся?

Он извлек из кармана ключ, вынутый из бювара в спальне миссис Инглторп.

От удивления у Доркас глаза полезли на лоб.

– Именно этот, сэр, точно. А где же вы нашли его? Я ведь повсюду искала.

– Ах, видите ли, сегодня он оказался совсем не в том месте, где был вчера... Теперь перейдем к другому вопросу: есть ли в гардеробе вашей хозяйки темно-зеленое платье?

Доркас, видимо, поразил столь неожиданный вопрос.

– Нет, сэр.

– Вы уверены?

– О да, сэр.

– А у кого в доме есть зеленое платье?

– У мисс Синтии, по-моему, я видела зеленое вечернее платье, – подумав, ответила Доркас.

– Светлое или темное?

– Светло-зеленое, сэр; вроде его называли шифоновым.

– Понятно, но это не то, что мне нужно... А у кого-нибудь еще есть какая-то зеленая одежда?

– Нет, сэр... не припомню, чтобы видела нечто подобное.

Пуаро не выказал никакого разочарования, лицо его оставалось бесстрастным.

– Ладно, забудем пока этот вопрос и пойдем дальше. Есть у вас какие-то причины полагать, что ваша хозяйка вчера вечером приняла снотворное?

– Только не вчера, сэр; я знаю, что вчера она никаких порошков не принимала.

– И почему же вы так уверены?

– Потому что в аптечке они закончились. Она взяла последний порошок из коробочки два дня тому назад и пока не успела заказать новые.

– Вы абсолютно уверены в этом?

– Определенно, сэр.

– Тогда ситуация проясняется!.. Кстати, ваша хозяйка не просила вас вчера подписать что-нибудь?

– Подписать документ? Нет, сэр.

– Вернувшись в дом вчера к вечеру, мистер Гастингс и мистер Лоуренс обнаружили, что ваша хозяйка пишет письма. Полагаю, у вас нет никаких идей по поводу того, кому они могли быть адресованы?

– К сожалению, нет, сэр. Вечером я уходила в гости. Возможно, Энни могла бы что-то подсказать вам, хотя она весьма легкомысленна. Даже чашки не помыла после вчерашнего вечернего кофе. Такое с ней бывает, если я не проверю, всё ли в порядке.

Пуаро всплеснул руками.

– Раз уж так случилось, то я прошу вас, Доркас, оставьте их еще ненадолго грязными. Мне необходимо осмотреть их.

– Хорошо, сэр.

– А когда вы ушли вчера вечером?

– После чая, около шести часов, сэр.

– Благодарю вас, Доркас, это все, о чем я хотел спросить вас. – Бельгиец встал и подошел к окну. – Меня восхитил ваш цветник с клумбами. Кстати, много ли садовников трудится в усадьбе?

– Только трое, сэр. Раньше, до войны, было пятеро, тогда сад содержался по высшему классу. Вот поглядели бы вы на него тогда, сэр... Красота была неземная. А теперь только старина Мэннинг да молодой Уильям, и еще одна новомодная садовница в штанах и прочих экстравагантных нарядах... Прости господа, ну и времена настали!

– Ничего, Доркас, хорошие времена еще вернутся. По крайней мере, мы надеемся на это. А сейчас, будьте добры, пришлите ко мне Энни.

– Конечно, сэр. Спасибо, сэр.

– Как вы узнали, что миссис Инглторп принимала снотворное? – с оживленным интересом спросил я, когда Доркас покинула будуар. – И о потерянном и запасном ключах?

– Давайте разберемся с вашими вопросами по очереди. – Пуаро вдруг показал мне картонную коробочку, в каких аптекари обычно продают порошки.

– Где вы нашли ее?

– В шкафчике над умывальником в спальне миссис Инглторп. Эта коробочка проходила в моем списке под номером шесть.

– Но, полагаю, она не имеет особого значения, раз последний порошок оттуда взяли два дня тому назад?

– Возможно, и не имеет, но разве вы не заметили ничего странного в этой коробочке?

– Нет, ничего особенного, – признался я, внимательно осмотрев ее.

– Обратите внимание на этикетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

Благодетельница, или патронесса, по имени героини известной пьесы «Уловка кавалеров» ирландского драматурга Дж. Фаркера (1678–1707).

2

Лк. 10:7.

3

Мой друг (фр.).

4

Примерно 1,62 м.

5

Увидим! (фр.)

6

Чудесно! (фр.)

7

Готово! (фр.)

8

Ну и стол! (фр.)

9

Лайнус Йейл-старший (1797–1854) и Лайнус Йейл-младший (1821–1868) – отец и сын, известные американские изобретатели и производители замков.

10

«...ие» (англ.).

11

На клочке бумаги стоят буквы «...ие и».

Хорошо, хорошо! (фр.)

Купить: <https://tellnovel.com/agata-kristi/zagadochnoe-proisshestvie-v-staylze>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)